

Цзюцзю вернулась из поместья Сун, когда сумерки уже начали сгущаться. Цю Хуанянь как раз затеял ужин. Стояла невыносимая жара, поэтому он решил приготовить «шуйфань» — блюдо, которое в его краях всегда спасало в знойные дни.

Приготовление было простым: зерно варили до мягкости, как кашу, а затем вылавливали большим ситом и опускали в ледяную воду для охлаждения. К столу подавали прямо в большой лохани, и каждый сам выуживал себе порцию.

Такой рис сохранял мягкость разваренных зерен, но не был вязким, как обычная каша; он насыщал, как сухой рис, но при этом приятно освежал. К прохладному «шуйфаню» Хуанянь подал нежные баклажаны, приготовленные на пару и разорванные на тонкие волокна, соломку из зеленого перца, сваренные вкрутую и остуженные в колодезной воде яйца и, конечно, красный ферментированный тофу. Простая и вкусная деревенская трапеза, идеально подходящая для борьбы с летним зноем, была готова.

Посреди ужина в ворота постучали. Ду Юньсэ пошел открывать и обнаружил на пороге уездного рассыльного.

— Судья приглашает тебя завтра в управу для беседы? — Хуанянь подошел поближе, когда посыльный ушел. — Что за спешка? Почему весть прислали так поздно?

Юньсэ протянул ему письмо:

— Господин Ван Чуцы в письме не вдаётся в подробности. Узнаем всё на месте, когда приеду.

— Эх, недолго же длились спокойные деньки, — вздохнул юноша и вернулся к еде.

За последние дни он сумел обрести душевное равновесие. Что бы ни принес завтрашний день, он примет это. Главное — твердо стоять на ногах и делать то, что должно.

На следующее утро Ду Юньсэ спозаранку уехал в город. Хуаняню особо делать было нечего, и он, пока солнце еще не вошло в полную силу, решил прогуляться к полям.

Хлопок на трех му земли уже налился силой. Красные цветы опали, и ветви теперь были усыпаны тяжелыми коробочками. Кое-где кожица на них уже подсохла — скоро они начнут лопаться, выпуская наружу белоснежные пушистые волокна. Наемные рабочие, заметив хозяина, отложили инструмент и с улыбками приветствовали его.

В Деревне семьи Ду было немало многодетных семей, которым не хватало своей земли, чтобы прокормиться. Молодым парням приходилось уходить на заработки в дальние края. С тех пор как Хуанянь начал нанимать людей, эти работники могли зарабатывать прямо под боком, не

терпя лишений на чужбине. Они искренне желали дому нанимателя процветания, ведь это означало, что и у них всегда будет кусок хлеба.

Среди троих помощников двое были братьями — Юньтин и Юньлэй. Их семья еще не разделила хозяйство: на шесть братьев, четверо из которых уже обзавелись женами и детьми, приходилось всего четыре му земли. Почти двадцати ртам этого было мало, вот младшим и пришлось идти в батраки.

Юньтину было уже за двадцать. Кряжистый, широкоплечий, с честным и открытым лицом, он мог в одиночку тащить мешок с укусным осадком в сто цзиней, едва касаясь земли ногами. Наблюдая, как парень подсыпает удобрения, Хуанянь с улыбкой заметил:

— Слышал я на днях от тётушки Цюянь, что ты, Юньтин, жениться собрался?

Тот мгновенно покраснел как рак и замялся, не зная, что ответить. Зато его брат Юньлэй с другого конца поля весело выкрикнул:

— Уже и сосватали! Гээр из деревни Шанлян, вроде как дальний родственник твоему дому. После сбора урожая свадьбу сыграем.

— Ты бы видел, как наш пятый брат свататься ходил! — продолжал Юньлэй, подначивая старшего. — Один раз взглянул на суженого, вскочил и давай в грудь себя колотить, мол, лучшую жизнь ему обеспечит! Стоял там, высокий да статный, точно якша какой, чуть бедного мужа пятого брата до слез не напугал своим видом.

Хуанянь про эту историю еще не слышал. Представив картину, он едва сдержал смех — если бы он рассмеялся, бедный Юньтин точно бы со стыда в землю зарылся.

Но, несмотря на смущение, работник весь лучился радостью. По меркам того времени он считался уже переростком — всё из-за бедности. Теперь же, работая в семье Ду, он сумел скопить шесть цяней серебра на свадебный подарок и, благодаря свахе, наконец-то устроил свою судьбу.

Вспомнив о будущем муженьке, Юньтин расплылся в глупой улыбке. Хоть тот и перепугался сначала, но потом всё же подарил ему собственноручно вышитый платок и шепотом наказывал не надрываться на работе. Сказал, что сам умеет прясть и ткать, и что когда они поженятся, то общими силами заживут на славу.

Этот платок Юньтин хранил у самого сердца. Его тепло и мерный стук сердца придавали юноше столько сил, что, казалось, он мог горы свернуть. После жатвы он наконец-то станет главой собственного дома...

Поскольку Ду Юньсэ уехал, дети занимались в кабинете сами. Цзюцзю закончила упражнения в каллиграфии, а Хуанянь как раз принес из сада корзину груш. Летом плоды долго не стояли, так что их нужно было раздать соседям. Девочка вызвалась помочь, а Чи Цинхэ, которая никогда прежде не гуляла по северной деревне, захотела составить ей компанию.

В итоге Чи Цинхэ в сопровождении служанки Цяоинь и кучера отправилась вслед за Цзюцзю. Эта процессия, идущая по пыльной деревенской улочке, невольно приковывала взгляды.

Когда они прошли мимо, селяне принялись перешептываться:

— Глядите, это та самая барышня из дома цзюйжэня Суна? Красивая, как на картинке, того и гляди — от ветра рассыплется.

— Настоящая госпожа, даже на прогулку слуг берет. Нам такого и за восемь жизней не видать.

— А Цзюцзю-то с ней как ровня идет, и голоса не роняет...

— Я вот погляжу — у барышни из дома Суна нрав-то кроткий, ликом чистая, точно фея. Говорят, та Юйчуань, которую привезла Цзыжун, тоже из знатных, а поди ж ты, какая разница между ними.

Чи Цинхэ чувствовала на себе эти взгляды и поначалу смущалась, но вскоре её внимание переключилось на придорожные травы, воробьев на ветках, лужи и никогда прежде не виденные саманные стены. Под чутким руководством Цзюцзю, которая всё объясняла, она начала сама задавать вопросы. Среди чистого неба, глиняных стен и зеленых ив та тоска, что тяжелым камнем лежала на сердце барышни, начала понемногу отступать.

Вскоре они дошли до дома главы клана. Е Таохун как раз собирала плоды в саду и вышла им навстречу.

— Цзюцзю, снова ты с гостинцами? Батюшки, а это, верно, и есть госпожа Чи? Красота-то какая, точно фея с картинки.

Гостья, смутившись, прикрыла лицо платком и тихо промолвила:

— Здравствуйте, тётушка.

Е Таохун расплылась в улыбке:

— Я сама из городка Таохуа, так что мы с вами почти родня. Проходите скорее, я сейчас Цуньлань позову.

Она показала корзину:

— Вот, только что набрала хрустящих фиников. Они еще не совсем покраснели, но зато какие сладкие! Сейчас самый сезон. Цзюцзю, как пойдешь обратно, я и твоему дому отсыплю.

В доме было тихо — в разгар дня почти все были в поле. Е Таохун прогнала расшалившихся детей и позвала дочь. Цуньлань вышла, отряхивая одежду от травы. Она стояла за спиной матери, опустив голову и не проронив ни слова. Хозяйка, увлеченная беседой, не заметила её состояния, но Цзюцзю обеспоенно нахмурилась.

— Цуньлань, ты чем занята была? — спросила подруга, глядя в сторону.

— Подстилку у уток меняла, — глухо ответила та. — Мама хочет новую стайку взять, вот я и чистила загон.

Цзюцзю кашлянула:

— У меня сегодня дел нет, хочешь — помогу?

Цуньлань испуганно замахала руками:

— Нет-нет, что ты! Тебе нельзя в такую грязь.

Е Таохун тоже рассмеялась:

— И то верно! Где это видано, чтобы гостей заставлять навоз чистить? Загон подождет, Цуньлань, иди лучше с Цзюцзю поиграй.

Дочь замолчала. Цзюцзю тоже не знала, что сказать. Девочки стояли, не поднимая глаз от земли. Чи Цинхэ, наблюдая за ними, на мгновение задумалась, а затем мягко произнесла:

— А утки далеко? Можно мне тоже взглянуть?

— Да там же... нечисто... — замялась Е Таохун. Платье гостьи было из тончайшего шелка, не дай бог зацепит или испачкает.

Служанка Цяоинь улыбнулась:

— Не обижайтесь, тётушка. Наша госпожа всю жизнь в четырех стенах провела, ей всё в диковинку. То, что вам привычно, ей за радость.

Е Таохун пришлось согласиться. Цуньлань и Цзюцзю невольно выдохнули — наконец-то нашлось дело. Они повели Чи Цинхэ на задний двор.

Утиный загон располагался в углу у стены, обнесенный невысоким плетнем. Цуньлань уже успела его вычистить и застелить свежей соломой. Семь-восемь крошечных утят сидели в корзине, их еще не выпускали. Чи Цинхэ с любопытством наклонилась к ним. Один утенок звонко пискнул и захлопал крылышками, отчего она испуганно отпрянула. Хозяйка тут же отодвинула корзинку.

— Утки ведь живут в воде? — смущенно спросила барышня. — И долго ждать, пока они начнут нестись?

Цуньлань привычно ответила:

— Маленькие часто гибнут, их надо сначала взаперти держать. Как подрастут, будем гонять их на речку. Месяцев через пять станут взрослыми и смогут нести яйца. Несутся они пореже кур, зато яйца их дороже ценятся, да и мясо тоже.

— Пасти уток... Должно быть, это очень весело, — вздохнула гостья.

— Да что там веселого, — буркнула Цуньлань. — Гнать их прутиком к воде, чтоб плавали, а к закату — обратно в загон.

Чи Цинхэ представила эту картину и негромко процитировала:

— «На рассвете пасу белых птиц, на закате веду их домой...» Совсем как в стихах господина Пяти Ив.

Дочь главы клана не знала, кто такой господин Пяти Ив, но поняла, что её похвалили. На душе у неё стало чуточку светлее.

— Моя мама делает чудесные соленые яйца и вялит утиные грудки, — добавила она. — Обязательно тебя угостим. И еще... Цзюцзю говорила, что из утиного пуха можно шить теплую одежду. Я соберу пух, и мы попробуем.

Услышав, что Цуньлань наконец назвала её по имени, Цзюцзю часто заморгала:

— Когда начнешь — позови меня.

— Хорошо.

Девочки снова разошлись взглядами, не решаясь продолжить разговор. Чи Цинхэ грустно улыбнулась:

— Я всегда считала себя неглупой среди сверстниц, но, познакомившись с вами, поняла, что была лишь лягушкой на дне колодца.

Цуньлань помнила это сравнение от подруги и испуганно возразила:

— Госпожа Чи, не говорите так! Какое уж там...

— Вовсе не шучу, — Чи Цинхэ опустила глаза. — Я старше вас на пять-шесть лет, но никогда не могла помочь родителям в делах. Лишь заставляла их тревожиться и плакать из-за меня... А вы? В таком юном возрасте вы уже сами справляетесь с хозяйством. Разве я в сравнении с вами не та самая белоручка из книг, что не отличит проса от пшеницы? Теперь я понимаю, почему тетюшка велела мне учиться у Цзюцзю... Стихи — это прекрасно, но жизнь...

Она говорила искренне, и в глазах её заблестели слезы. Здесь, на чужой земле, вспоминая родителей и дом, которых она, возможно, никогда больше не увидит, Чи Цинхэ впервые почувствовала острую, живую боль. То была боль роста — осознание того, что нужно идти вперед, пусть даже через горечь разлуки.

— Госпожа Чи?

— Всё в порядке. Ты ведь сестра Цзюцзю, зови меня просто сестрицей Цинхэ.

— Сестрица Цинхэ, пойдём в сад, я покажу тебе наши финиковые деревья, — не зная, как утешить гостью, предложила Цуньлань.

Глядя на печаль Цинхэ, она вдруг поняла нечто важное. Раньше девочка думала, что жизнь знатной барышни, у которой есть слуги и книги, — это предел мечтаний. Но сейчас увидела: и у господ бывают беды, которых она прежде не могла и вообразить.

«А Цзюцзю... неужели и у неё теперь появились новые, совсем непонятные мне заботы?»

Они пошли в сад собирать финики. У главы клана росло несколько деревьев — невысоких, чуть выше человеческого роста. Ветви гнулись под тяжестью плодов, на которых уже проступил красный румянец. Чи Цинхэ, поначалу сомневаясь, вскоре сама увлеченно принялась рвать финики. Даже когда она укололась о колючку, это не убавило её азарта.

На прощание Цзюцзю и Цинхэ получили по корзине плодов. Чи Цинхэ вынула из волос изящную заколку с жемчужной подвеской, желая подарить её Цуньлань, но та наотрез отказалась.

— Я ела ваши финики, а ты возьми мой цветок. Друзья не считают цену подарков, важно лишь внимание и та воля, что в них вложена.

Цуньлань всё равно пыталась вернуть украшение. Она нерешительно взглянула на Цзюцзю и, комкая подол платья, прошептала:

— А можно мне... вместо заколки... какую-нибудь книгу для самых маленьких? Чтобы буквы учить?

— Ты хочешь научиться читать? — удивилась Чи Цинхэ.

— Если она дорогая, я могу просто взять почитать... или не надо...

— Глупости! Тонкая книжица стоит меньше этой заколки. К тому же я ведь сказала: друзья не считают цену. В следующий раз обязательно привезу. Я буду часто бывать в деревне семьи Ду, так что, если что-то будет непонятно, спрашивай меня или Цзюцзю. Она говорила, что ты её самая близкая подруга, так что не стесняйся.

У Цуньлань защипало в носу:

— Это же... столько хлопот вам...

— Учителя говорят: «Учить других — радость великая». А я очень люблю учить, правда, Цяоинь?

Служанка со смехом подтвердила:

— Это точно! Наша госпожа, как видит, что кто-то к книгам тянется, радуется больше своего. Если бы не моя пустая голова, она бы и из меня сделала сюцая.

— Цяоинь... — Чи Цинхэ смущенно опустила голову.

Цуньлань наконец окончательно расслабилась и тоже весело рассмеялась.

Вечером повозка из поместья Сун увезла Чи Цинхэ. Цуньлань проводила её взглядом и неспешно побрела к дому Цзюцзю. На полпути она встретила подругу, идущую ей навстречу. Девочки замерли, глядя то на небо, то на землю — куда угодно, лишь бы не друг на друга.

— Пойдем к речке поговорим?

— Пойдем. Мне как раз травы надо накосить.

— И мне. Чуньшэн снова ленится.

Они прыснули со смеха, сбегали домой за серпами и корзинами и вместе отправились на берег. Когда вокруг никого не осталось, Цуньлань, ковыряя землю носком туфли, тихо сказала:

— Прости меня за те дни. Я вела себя плохо.

Цзюцзю ответила почти в тот же миг:

— Я знала, что у тебя что-то случилось. Не надо было мне сердиться.

Помолчав, она спросила, не прерывая работы:

— Почему ты вдруг передумала и снова хочешь учиться?

— Я не собираюсь становиться ученой. Просто хочу знать буквы, чтобы понимать, что написано в письмах или договорах. Чтобы никто не смог меня обмануть. — Цуньлань ловко срезала траву, пряча глаза за упавшими прядями волос. — Мы с тобой разные, Цзюцзю, и это правда, а не обида. У вас в семье народу мало, братья работающие, а Ду Юньсэ и вовсе Звезда литературы. Ты можешь учиться вместе с Чуньшэном. А у нас... у дедушки три сына. В нашей большой семье дом дяди — первый, и сын его Юньчэн уже добился успеха, сдал экзамен на звание туншэна, их все уважают. У третьего дяди — три сына подряд, дедушка их обожает. А мы, вторая ветвь, — ни то ни се. Сыновей мало, талантов нет... одни обузы. Если я начну учиться, как ты, меня заживо съедят. У нас в доме едва хватает средств, чтобы одного Юньчэна учить, куда уж мне...

— Но ведь ты можешь приходить ко мне! — нахмурилась подруга. — Будешь писать на моей бумаге, не надо тратить на книги или кисти. Неужели и так нельзя?

Голос Цуньлань дрогнул:

— У меня полно дел по дому. И даже если я всё сделаю раньше срока, они всё равно будут недовольны, видя меня праздной. Я... я просто не ровня тебе...

Цзюцзю со стуком поставила корзину на землю:

— Раньше ты так не думала! Когда я впервые позвала тебя учиться, ты была так рада! Что же случилось? Неужели и мне не расскажешь?

— Ох, зачем тебе это? Что толку от этих расспросов? — всхлипнула та.

Девочка из дома Ду и сама почувствовала, как к горлу подступил комок:

— А вот и нет, я хочу знать! Хотя бы ради своего спокойствия. Раньше моя мама не любила деревенских, у меня совсем не было друзей. Я была трусихой, слова боялась сказать, а ты первая позвала меня играть. Мы же родня, я тебя сестрой считаю, а ты от меня закрылась. Эти дни ты меня избегала, пряталась... Знаешь, как мне было больно? Сложнее, чем когда ты вернула книги и сказала, что больше не придешь.

Цзюцзю всё еще была ребенком, а Цуньянь — единственным человеком, который был рядом на всём пути её взросления. Обида и горечь вырвались наружу, она с трудом сдерживала слезы.

— Братец Хуанянь заметил, что между нами что-то не так, но я ему ничего не сказала. Ждала, когда ты сама придешь и всё объяснишь. Это наша тайна, и взрослые в ней не нужны.

— Я... — Услышав это и вспомнив слова Чи Цинхэ о том, что Цзюцзю считает её лучшей подругой, Цуньянь не выдержала. Слезы хлынули из её глаз.

Две маленькие фигурки стояли на берегу реки в лучах заходящего солнца, окруженные ароматом свежескошенной травы, и плакали. Но стоило одной невольно хмыкнуть сквозь слезы, как вторая тут же рассмеялась вслед за ней.

— Мой младший брат в три года так не ревел, позорище, — проворчала Цуньянь, утирая нос.

— У нас дома только Чуньшэн плачет, я — никогда, — ответила подруга, вытирая лицо платком.

Дочь старейшины поправила траву в корзине и глубоко вздохнула:

— Поплакала — и на сердце полегчало. Будто плотину прорвало...

— Ну, теперь-то выкладывай.

Цуньянь присела и принялась плести кузнечика из травинки.

— Я и раньше знала, что дома не обрадуются моей учебе. Но тогда я на радостях совсем голову потеряла. Пряталась как могла, да только Юньчжэ меня выследил.

— Сын третьего дяди? Он же почти твой ровесник?

— Тётя и моя мама забеременели почти в одно время, Юньчжэ на пару дней старше. После того как старший брат Юньчэн сдал экзамен на звание туншэна, дедушка решил, что и у других внуков есть шанс. Хотел отдать Юньчжэ в школу, но моя мама была против, вот дело и затянулось.

— Почему против? — Цзюцзю помнила тётушку Е Таохун как радушную женщину.

— Мы родились почти вместе: он — сын, я — дочь. Всё лучшее в доме тогда отдавали тёте и Юньчжэ. Тётушка каждое утро пила козье молоко, а моя мама в свой срок и яиц-то вдоволь не видала. Она затаила обиду. К тому же учеба стоит дорого. Юньчжэ пришлось бы учить на те деньги, что зарабатывают мои родители. Моему братишке всего три года, когда еще до него очередь дойдет? Мама говорит: Юньчэн — парень толковый, на него денег не жалко, а Юньчжэ умом не блещет, так зачем тратиться впустую? Хоть дедушка и глава дома, он не хочет ссориться с невесткой. Так дело и застыло.

Девочка из дома Ду понимающе кивнула:

— Значит, Юньчжэ про это прознал. И когда увидел, что ты учишься, — пусть и бесплатно, — его злость взяла.

— Ну и пусть злится! Он тебе не родной брат, к тому же мама твоя на твоей стороне...

Цуньлань покачала головой. Юньчжэ наговорил ей много гадостей, и хоть они были злыми, в них была доля правды. Ей не чета Цзюцзю — та скоро уедет в город и станет настоящей благородной девой, сошедшей со страниц книг. А Цуньлань через несколько лет замуж выходить в соседнюю деревню. Зачем ей книги?

«С чего это ты, девка навозная, за книги взялась? Не боишься страницы своими грязными руками осквернить?» — Юньчжэ, хоть и не учился, нахватался вершков у старшего брата и любил помыкать другими. — «Брат Ду Юньсэ — первый на экзаменах, Цзюцзю уже барышней стала, а ты всё к ней ластишься, книги выпрашиваешь. Стыд и позор для всей нашей семьи!»

Девочка медленно поднялась и закинула короб за спину.

— Я всё равно хочу знать буквы, — твердо сказала она. — Выучу то, что в жизни пригодится. А те сложные книги, что ты читаешь... я пока отложу.

Цзюцзю закусила губу:

— Ладно. Сначала буквы, а там видно будет.

— Ты больше не сердись? — робко спросила подруга.

Та топнула ногой:

— Да кто сердился-то! Я просто расстроилась, что ты такая глупая! Глупая!

Цуньлань рассмеялась. Многие в деревне твердили, что Цзюцзю стала совсем взрослой, но для неё она оставалась всё той же.

— Послушай, а та новая соседка, Бай Юйчуань... Она тебя не обижала? — вспомнила старые дразги подруга и обеспоенно взглянула на Цзюцзю.

Цю Хуанянь прождал почти весь день, пока Ду Юньсэ не вернулся домой в лучах заходящего солнца. Услышав скрип ворот, юноша выбежал навстречу:

— Ну, что сказал господин Ван?

Ду Юньсэ видел, как волнуется муж, и ответил коротко:

— Императорский посланник, проверяющий границы, уже прибыл в префектуру Сянпин. Говорят, он близок ко второму принцу. И еще... в уезде Чжан и соседних землях объявлена трудовая повинность. По одному человеку с каждого двора. Исполнить приказано немедленно.

<http://bllate.org/book/15363/1417432>